

ПОЛИТИЯ

¹ Перевод выполнен по: Merriam Ch. E. (1921) «The Present State of the Study of Politics» // *The American Political Science Review*, vol. 15, no. 2: 173—185.

Ч.Э.Мерриам СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ¹

Первоначальный план этой статьи включал общий обзор и критику ведущих тенденций в изучении политики за последние 30—40 лет. Предполагалось сравнить методы и результаты разных типов политической мысли — поочередно рассмотреть историческую школу, юридическую школу, исследователей в области сравнительного анализа форм правления, собственно философов, подход экономистов, вклад географов и этнологов, работу статистиков и, наконец, обратиться к психологическим, социологическим и биологическим толкованиям политического процесса.

Это была бы интересная и, наверное, полезная задача — сравнить предмет и метод таких мыслителей, как Еллинек, Гирке, Дюги, Дайси и Паунд, философии Сореля и Дьюи, Ритчи и Расселла, Ницше и Толстого, окинуть взором методы Дюркгейма и Зиммеля, Уорда, Гиддингса и Смолла, Кули и Росса и обсудить новшества, обнаруженные в работах Уолласа и Коула.

Возможно, было бы полезно расширить анализ, включив в него важные особенности среды, в которой расцвели эти идеи, и многочисленные тесные связи между ними. Можно было бы также обсудить влияние социального и промышленного развития, классовых движений и классовой борьбы или групповых конфликтов в более широком смысле, рассмотреть воздействие урбанизма и индустриализма, капитализма, социализма и синдикализма, милитаризма, пацифизма, феминизма, национализма. Полезно было бы, пожалуй, представить критику описанных методов и результатов и конкретно оценить значимость логических, психологических, социологических, правовых, философских и исторических методологий и вклад каждой из них в изучение политического.

Эта задача, однако, была отброшена и отложена на следующий раз, поскольку стало очевидно, что никакой подобный обзор нельзя было бы сжать до разумных объемов. Как представляется, для достижения нашей общей цели продуктивней был бы иной тип анализа, направленный на реконструкцию методов политического исследования и получение более масштабных результатов как в теоретической, так и в практической области.

Относительно недавно теория политики вошла в соприкосновение с силами, которые должны со временем весьма существенно модифицировать ее процедуру. Появившаяся не так давно доктрина, согласно которой политические идеи и системы, как и другие социальные

идеи и системы, суть побочные продукты среды, независимо от того, принимает ли эта доктрина форму экономического детерминизма или представления об определяющем влиянии социального окружения, бросает вызов всем системам мышления. Пренебречь ею можно лишь ценой потери *locus standi* в науке. Системы могут оправдывать себя как рупоры своего времени. Но что остается в итоге от неизбежности их основополагающих принципов, провозглашаемых обычно в авторитарном и догматическом духе?

Опять же, шкалы измерения фактов и сил в наши дни сделались гораздо более тонкими и точными, чем когда-либо в истории человечества. Процесс измерения, сравнения и стандартизации идет своим путем, подгоняемый тысячами терпеливых исследователей, стремящихся пробиться к истине через извилистые лабиринты измеримых и сопоставимых фактов. Насколько эта возросшая точность измерения и легкость сравнения стандартизированных наблюдений проникли в область политического?

Далее, на границах политики сегодня появилось много родственных дисциплин. Статистика и психология, биология, география, этнология и социология — все они развились и продолжают производить массы фактического материала, интерпретаций и озарений, корреляций и выводов, часто прямо или косвенно влияющих на понимание политического процесса. Мы вправе спросить: в какой степени политика воспользовалась исследованиями и результатами этих новых партнеров по великому поиску понимания феноменов человеческой жизни?

Некоторые предположения относительно способов и средств, которые бы позволили повысить качество и продуктивность технических и профессиональных исследований политики, заслуживают краткого обсуждения. Возникает вопрос о технике сбора и классификации политического материала. Во многих отношениях политика отстала в гонке за современное оснащение, обеспечивающее быстрый, всеобъемлющий и систематический сбор и анализ интересующих ее фактов. Сбор некоторых ограниченных категорий правовых данных был в интересах дела систематизирован, и его результаты своевременно поступают в распоряжение каждого исследователя права. Из деловых же соображений для нужд бизнесменов сейчас в больших объемах собираются некоторые типы промышленных данных. Отчасти такой же работой занимаются всевозможные правительственные бюро. И все же в основном с точки зрения технической оснащенности политическая наука до сих пор прискорбно ущербна. Даже самый оснащенный исследователь в самом оснащенном учебном заведении едва ли обладает оборудованием, сопоставимым с тем, какое мы находим у лучшего юриста в его офисе, у лучшего инженера, у эксперта крупной корпорации, у секретаря торговой палаты или в исследовательском отделе «Объединенных портных». На деле нередко у него вообще нет никакого лабораторного оборудования, и он — что довольно курьезно в наши дни крупных организаций — трудится в одиночку, даже когда обсуждает эту характерную

особенность нашей цивилизации. В этом отношении политические и социальные науки обычно уступают так называемым «естественным» наукам (сегодня нередко отбрасывающим прилагательное «естественные»), которые гораздо лучше обеспечены как персоналом, так и оборудованием для своих исследований.

На более высоком, по сравнению с индивидуальным, уровне мы видим отсутствие оперативных и адекватных собраний целых категорий законов, указов и правил. Комплектация превосходной коллекции, хранящейся в библиотеке штата Нью-Йорк, прервалась, и этот пробел так и не был заполнен. То же можно сказать о муниципальных постановлениях, собраниях административных предписаний и судебных данных, за исключением зарегистрированных случаев. Что касается международного уровня, то тут ничего еще даже не начиналось. Понятно, что политические данные для научных целей нельзя собрать столь же быстро, как отчеты об урожаях или правовые решения, но обязательно ли такие данные должны документироваться так скудно и редко, как это происходит в настоящее время?

Далее, достаточно полный и своевременный сбор материала, касающегося практической работы политических институтов, остается по большей части неорганизованным и осуществляется лишь урывками, причем занимаются этим зачастую пропагандистские службы, а не научные организации. Как, скажем, добывается в настоящее время материал, относящийся к работе системы пропорционального представительства или к планам городского администрирования? Преимущественно за счет случайного, спорадического и неудовлетворительного процесса наблюдения и обобщения, в котором задействованы неадекватно оснащенные индивидуальные работники. Нет ни фондов, ни людей для развернутого обследования многих важных областей, в отношении которых политическая наука должна высказываться с некоторой долей уверенности.

Только посредством организованных и постоянных усилий множества ученых эту ушербную ситуацию можно превратить в удовлетворительную. Только при сотрудничестве различных правительственных служб, нескольких учебных заведений и, возможно, частных исследовательских фондов труженики политической науки смогут обрести под ногами твердую почву, рассчитывая на необходимые данные и помощь в решении своих профессиональных задач. Пока этого нет, мы еле ковыляем там, где могли бы бегать.

Нет ничего невозможного в том, чтобы политическое благоразумие было организовано эффективнее, чем сегодня. Под политическим благоразумием понимаются выводы, извлеченные из опыта и рефлексии в отношении проблем государства. Эти выводы образуют корпус знания, которое, даже не будучи доказуемо и технически точным, является ценнейшим активом человечества. Мы, конечно, вовсе не имеем в виду, что все это благоразумие, не приведи Господь, создают профессиональные исследователи политики; однако инициатива по научному сбору и анализу подобного материала может быть справедливо названа

одной из наших задач. Она определенно не подпадает ни под какую другую область. Представляется желательным, чтобы масса информации, анализа, предварительных и догматических выводов, которую аккумулируют профессиональные исследователи политики, получила более широкую известность, чем сегодня. Все другие группы, профессиональные и прочие (а в течение жизни последнего поколения появилось много новых), выражают свои мнения по вопросам, находящимся в ведении государства. Отчего же этого не делает исследователь политики, обычно куда более непредвзятый в своей точке зрения, более всесторонний в своих исследованиях и беспристрастный в своих выводах?

Каковы суждения мировых исследователей политики по таким — навскидку — вопросам, как пропорциональное представительство, Лига наций (в конкретном смысле или вообще), свобода слова в условиях XX в., государственная собственность на коммунальные предприятия? Во многих случаях советы профессиональных исследователей политики, или политического благоразумия, будут расходиться, особенно когда затрагиваются классовые, расовые или национальные проблемы, но во многих других они будут совпадать. Даже их расхождения будут, предположительно, иметь под собой хотя бы видимость научных оснований и способствовать повороту общественного мнения к тщательно исследуемым фактам и кропотливо выстроенному рассуждению, а не к групповым интересам, неуклюже прячущимся под плохо подогнанными одеяниями. Но если из страха перед яростным несогласием профессиональные исследователи политики не могут собраться и обсудить даже ключевые принципы политического благоразумия, то не должно ли уже само это обстоятельство вызвать горькие размышления об их фундаментальной предвзятости и навести на мысль о необходимости перестройки и реорганизации их методов? Не указывает ли это на слабое место в их процедуре и не приведет ли со временем к его разрастанию?

Стремиться к тому, чтобы профессиональные исследователи политики по каждому поводу и в связи с каждым сиюминутным вопросом тоном, не терпящим возражений, оглашали свои теории и выводы, определенно не следует. Однако в вопросах серьезных и долгосрочных, когда были проведены обстоятельные исследования и тщательно рассмотрены все грани проблемы, профессиональное мнение специалистов представляет известную ценность. Более того, если ученые располагают ресурсами для обстоятельных исследований в виде тематических экспертных комиссий, такие документированные изыскания и базирующиеся на них взвешенные выводы могли бы оказаться очень полезными. Практический опыт и наблюдение не позволяют заключить, что избиратели, парламентские органы и административные службы, затаив дыхание, ждут заявлений политико-научных ассоциаций; но, с другой стороны, те же опыт и наблюдение наводят на мысль, что во многих случаях они приветствовали бы тот род информации, анализа и предварительных выводов политического благоразумия, который способны предложить серьезные профессиональные организации этого типа.

Чем шире основа такой профессиональной организации, тем эффективнее она должна быть. Организация в масштабе многих городов лучше, чем в рамках одного города; в масштабе многих штатов — лучше, чем в рамках одного штата; в масштабе многих наций — лучше, чем в рамках одной нации. Ведь в более широком объединении открывается возможность преодолеть влияние местнической, классовой и расовой пропаганды, исторически игравшей огромную роль в формировании политической теории.

Наконец, методы политики, как и социальной науки вообще, постоянно нуждаются в кропотливом критическом разборе и пересмотре, дабы не превратиться в нечто не являющееся ни научным знанием, ни практической политикой. О том, в какой степени политическая теория была мобилизована на службу класса, расы и группы, нам замечательно поведал профессор Даннинг. А вот что об этом говорится у гораздо более раннего автора:

² У Шекспир.
«Венецианский купец». Акт III.
Сцена 2. Приводится в переводе
Т. Щепкиной-Куперник. — Прим. пер.

В судах нет грязных, низких тяжб, в которых
Нельзя бы было голосом приятным
Прикрыть дурную видимость. В религии —
Нет ереси, чтоб чей-то ум серьезный
Не принял, текстами не подтвердил,
Прикрыв нелепость пышным украшеньем².

Но старые времена, похоже, уходят. У среднего человека сейчас есть лакмусовая бумага для тех авторитарных доктрин, которые в иные былые эпохи ему не позволено было обсуждать или, что еще вероятнее, не приходило в голову обсуждать. Он начинает понимать, что в разгар расовой, религиозной или классовой борьбы политическая теория легко становится пешкой или иной разменной фигурой в игре за продвижение военных, денежных либо иных групповых преимуществ. Так уж случилось, что мы живем во времена, когда больше, чем когда-либо в прошлом, систематическим образом используются социальные ухищрения и контроль, но это также и времена, когда больше, чем когда-либо прежде, оспаривается власть. В эпоху, когда политическое регулирование наиболее всеохватно, политическая ответственность укорена наименее прочно.

Ценнейший материал дают социология и социальная психология. География, этнология и биология снабжают нас фактами и выводами, незаменимыми для правильного понимания политического процесса, что делает знание этого процесса менее зависимым от авторитарной пропаганды и приближает его к сфере научной технологии.

Статистика повышает дальность и широту обзора наблюдателя, давая ему мириады глаз и возможность изучать ареалы, до сих пор лишь смутно описанные и картографированные. В известной мере о статистике можно сказать, что она социализирует наблюдение. Она предоставляет в распоряжение исследователя прекрасный образец аппарата — аппарата, при правильном использовании столь же важного

и полезного для него, как телескоп, микроскоп и спектроскоп в других областях человеческих изысканий. В том, что политика в полной мере воспользовалась этим новым исследовательским инструментарием, можно, однако, усомниться.

В более узком смысле есть области, где политическая статистика обычно почти полностью отсутствует. Яркими примерами у нас в стране являются судебная и уголовная статистика. Мало что сделано и в сфере оперативной статистики, измеряющей службы по стандартизированным основаниям. Содействовать развитию систем статистического учета и запрашивать дополнительную информацию, которую можно получить только таким образом, — законная функция политического ученого. В более широком смысле мы так еще и не освоили возможности статистических наблюдений и не приспособили их к росту исследований политики.

Бесспорно, статистика, как и логика, может доказать все что угодно. Тем не менее постоянное обращение к статистической основе аргументации оказывает сдерживающее влияние на литературную и логическую избыточность и, несомненно, способствует научной трактовке и доказуемым выводам. Практика измерения, сравнения, стандартизации материала — при всех случающихся переборах — вносит в дискуссию отрезвляющий эффект. Да, мы не стремимся к тому, чтобы наука о политике, равно как экономика или социология, полностью и исключительно базировалась на статистических методах и выводах. Мы знаем, что статистика не содержит всех элементов, необходимых для поддержания научной жизни. Но разве не разумно ожидать, что этот изошренный инструмент социального наблюдения получит в будущем гораздо большее применение, чем в настоящем? Разве не разумно ожидать, что статистика принесет нам более ясное понимание политических и социальных структур и процессов, чем то, которым мы обладаем сегодня?

Необычайно ценные для политической науки материалы и методы предлагает также современная психология — и обещает еще большее. Государственные деятели и политики всегда были стихийными психологами, и политический ученый и экономист часто пытались задействовать существовавшую в их время психологию. «Естественный» человек школы *Naturrecht* и классической политической экономии описывался в свете той информации, которую предоставляла тогдашняя психология. Но Торндайк и другие, несомненно, могут рассказать нам о *genus homo* больше, чем было дано знать Томасу Гоббсу и Адаму Смитту. Даже психологи, судя по высказываниям некоторых из них, не всегда были строго психологичны в своем методе. Область, в которой физиолог, бихевиорист, невролог, психоаналитик, биолог и психобиолог все еще заняты разработкой метода, пока еще не достигла сферы конституционного порядка и правительства. Но в этих новых исследованиях, вероятно, сложатся методы, с помощью которых многие человеческие реакции, до сих пор оцениваемые лишь на глазок, можно будет наблюдать, измерять и сравнивать гораздо точнее.

Скорее всего, они помогут в разработке методов и средств, благодаря которым будут открыты новые связи, изобретены новые способы адаптации и существенно модифицированы процессы социального и политического контроля. Ими уже предлагаются методы, позволяющие обеспечить гораздо более точное измерение человеческой личности и гораздо более глубокое постижение социального процесса. Эта работа, по всей видимости, будет дополнена изысканиями в сфере групповой психологии; и где-то по ходу дела может развиваться изучение политической личности и политического процесса, а также тех аспектов и влияний политической психологии, которые давно существовали в виде имен и практических фактов, но никогда еще не облекались в систематическую форму. Похоже, мы стоим на пороге точного измерения трудноуловимых элементов человеческой природы, до сих пор ускользавших от понимания и контроля посредством научных методов. В некоторых областях, таких как образование и медицина, уже проложены тропы в глубины того, что всегда значилось на картах как Великая Неизвестность. Разумеется, психология, как и статистика, не претендует на то, чтобы задавать стандарты социальной науки, но это инструмент, или метод, способный существенно помочь исследователям в этих областях.

Нет ничего невозможного в том, чтобы, наряду с широким наблюдательным исследованием не поддающихся стандартизации сил и тенденций, играющих столь важную роль в политическом благоразумии, мы занимались и более приземленным изучением измеримых и сравнимых политических реакций, их интенсивности и ограничений, заключенных в них возможностей адаптации и конструктивной организации. Это более глубокое исследование может помочь в решении проблем (1) первичного политического просвещения, (2) народного образования в более широком смысле слова, (3) политической координации и организации на местном уровне и (4) научной технологии. Статистическое использование психологического материала открывает перед исследователем политики огромные все еще неизведанные области и позволяет ему проникнуть в источники политического действия, до сих пор лишь частично попадавшие в поле зрения наблюдателя.

Иногда изучение политики шло в ногу с наукой своей эпохи, как, например, во времена Аристотеля, но иногда вновь впадало в схоластику и легализм самого ограниченного сорта. Такие авторы, как Вольф и Томазий, Суарес и Пуфендорф, Вулси и Сиджвик, оставили нам великие памятники усердия и эрудиции. Как и многие другие, они внесли громадный вклад в общий процесс рационализации своего времени, но оказались бесплодны в производстве живых теорий и принципов политического действия. В наши дни перекрестное опыление политики с так называемой наукой или, точнее, современными методами изыскания и исследования не может не пойти ей на пользу.

Разве не можем мы, например, при изучении международного права выйти за рамки договоров и конвенций в сферу более глубокого

анализа — и не только того, что обычно называют социальными и политическими силами, но и различий среды, языка и культуры, а также приступить к систематическому исследованию расовых и групповых лояльностей и антипатий, их генезиса, интенсивности, способов адаптации и организации? На уровне инстинкта чужой воспринимается как враг. Но что может сказать современная политическая наука о природе этого инстинкта, о возможностях его выработки, воспитания и реорганизации? Что мировые исследователи в области политики и родственных ей наук могут сказать об этой проблеме, решение которой имеет самое прямое значение для организации мира и избавления его от войн?

Мы изучали проблему городов в терминах «хорошего» и «плохого» управления, всевластия боссов и его преодоления, бесчисленных механизмов и тонко продуманных ухищрений, но разве не можем мы погрузиться глубже, в самые основания города, и точнее и основательнее исследовать социальный и политический процесс, неотъемлемой частью которого является политическое? Действительно ли силы, производящие плохое муниципальное управление, по самой своей сути строптивы и неизбежно неуправляемы, или мы просто не до конца понимаем политические реакции в данной среде? И как нам лучше всего их прояснить и конструктивно адаптировать к новым способам жизни в рамках кооперативного предприятия под названием демократия?

Разве нельзя при изучении государственного управления дополнить изучение правил, законов и различных видов процедуры и контроля чуть более глубоким проникновением в глубинные факторы, затрагивающие и обуславливающие кадровый состав, организацию и действия больших групп людей? И разве не будут нам полезны при проведении подобных исследований методы статистики и психологии?

Короче говоря, не можем ли мы интенсифицировать свои исследования политического человека, политической личности, ее генезиса, окружения, реакций и способов адаптации и обучения, а также групп, в которые она входит, и сложно устроенного политического процесса, так чтобы стереотипы политической науки обрели гораздо более прочную фактическую основу, а практическое благоразумие — гораздо более надежное понимание сути дела при соприкосновении с проблемами государства?

Нам могут напомнить о причудливой антропологии в политической мысли Бодена и Монтескье, о дивно устроенной «политической психологии» Блунчли, в которой он соотносил 16 отдельных частей человеческого тела с таким же числом органов тела политического, об амбициозной, но бесплодной социальной физике Конта или о сонме организмических теорий, которые столь всесторонне каталогизировал д-р Кокер, — и все это, чтобы указать на опасность выхода за пределы строго авторитетной, целенаправленной и благоразумной политики. Но ведь одновременно можно указать и на множество пронизательных исследований в области социальной и политической организации. Можно

привлечь внимание к удивительным практическим успехам криминологии и пенологии, а также к каждодневному практическому применению информации и методов, почерпнутых из новейших дисциплин, в социальных и промышленных отношениях.

Должны ли мы заключить, что можно интерпретировать, объяснять и до известной степени контролировать так называемые естественные силы, находящиеся вне человека, но нельзя сделать то же самое с силами человеческой природы? Или мы переусердствовали в научном плане с «природой» и принизили в этом отношении «человека»? Существует ли некая фундаментальная граница между культурным, гуманитарным, ученостью, с одной стороны, и научным (в кавычках) — с другой, так что их методы должны быть в корне различными? Пожалуй, что так.

Прошло уже почти 30 лет с тех пор, как великий натуралист Леконт указал на то, что сначала приходит искусство, а потом наука и затем наука как дочь помогает своей матери. До сих пор, говорил он, «социальное искусство продвигалось вперед в слепых блужданиях, нащупывая свой путь в темноте, исправляя свои ошибки, восстанавливаясь после своих падений». Но больше так оставаться не может. Он продолжает: «Наука должна быть внедрена в политику только как предлагающее, советующее, модифицирующее, но не направляющее и контролирующее начало». Наука «должна быть строго подчинена мудрому эмпиризму. Она должна нашептывать предложения, а не оглашать команды»³.

Для наших целей не нужно пытаться предсказать будущее социальной или политической науки, да это и невозможно. Достаточно отметить, что мы можем решительно и зримо повысить полноту и точность наших наблюдений политических явлений и что процессы социального и политического контроля могут оказаться гораздо более восприимчивыми к адаптации и реорганизации людей, чем сегодня.

Но здесь, как и в других случаях, мы сталкиваемся с насущной практической потребностью в улучшении организации наших профессиональных исследований. И в национальном, и в международном масштабе можно было бы куда теснее координировать разрозненные усилия зачастую обособленных наблюдателей и работников. Политическое изучение нашей и других наций плохо организовано, особенно в той отрасли знания, которая имеет дело с организацией и управлением как одной из центральных своих тем. В результате, несмотря на ограниченность наличных сил, возникает определенное дублирование усилий. Остаются огромные пробелы, где не проводится никаких исследований, да и вообще не предпринимается скоординированных попыток сокрушить бастионы политического невежества и предрассудков. Нам недостает всесторонних и перспективных планов, следуя которым мы могли бы шаг за шагом продвигаться вперед по крайней мере в некоторых направлениях. Если ввиду разрушительного воздействия системы управления университетами и университетской политики в кругу исследователей политики высока смертность, то тем больше оснований рачительно распорядиться нашими ресурсами и использовать их

³ *Cum. no: Brooklyn Ethical Association. (1892) Man and the State, Studies in Applied Sociology: Popular Lectures and Discussions before the Brooklyn Ethical Association. New York: D.Appleton and Company: 351—353.*

с максимальной эффективностью. И коль скоро привлечение пожертвований на политические исследования осложняется тем, что им приходится конкурировать с другими предметами, в меньшей (или, казалось бы, в меньшей) степени затрагивающими чувствительные стороны социального и политического порядка, то тем резоннее открыто продекларировать конкретные планы и последовательно искать средства для их осуществления при общественном или частном содействии.

В заключение вносятся следующие предложения.

1. Более адекватное оборудование для сбора и анализа политического материала.
2. Более адекватная организация политического благоразумия нашей профессии.
3. Более широкое применение инструментов социального наблюдения, содержащихся в статистике, а также аналитической техники и результатов психологии; более внимательное отношение и более тесное взаимодействие с такими дисциплинами, как география, этнология, биология, социология и социальная психология.
4. Более адекватная организация наших специальных изысканий и их координация с другими, тесно связанными с ними областями исследований.

Здесь совершенно уместно было бы потребовать перечня деталей, но эта статья лишь своего рода декларация, и конкретные формулировки — следующий шаг в этом деле. Все сказанное полностью бесполезно, если оно не было понято как попытка подчеркнуть прежде всего настоятельную потребность в организации и координации усилий как в общем методе, так и в конкретной деятельности наших профессиональных обществ.

Наука — это великое кооперативное предприятие, в котором должны сообща трудиться множество умов. Всегда должен быть широкий простор для спонтанной и нерегламентированной деятельности индивида, но успех экспедиции зависит от наличия некоторого общего плана ее организации. Меньше всего в социальной науке допустима анархия или хаос в теории политического порядка.

*Перевод с английского В.Г. Николаева
под редакцией Л.А. Галкиной*